

РОСТОВСКИЙ ПОБЕДНОСЕЦ

И ещё один образ Чуда святого Георгия о змие, томящийся ныне в собрании московского Музея Русской Иконы. Специалисты датируют эту икону последней четвертью 14 века и относят её происхождение к ростовским землям. На сайте музея представлена обширная научная статья об этой иконе, разбирающая состояние памятника культуры: утраты красочного слоя, участки позднейшей вставки левкаса, реставрационные этапы. В статье представлен достаточно глубокий поясняющий материал по иконографии образа, толкование основных значений символики, описание византийской «легенды» о святом Георгии. Не станем оспаривать суждений, либо пытаться дополнить их. Постараемся высказаться от них независимо, как видится, в несколько ином направлении восприятия и осмысления образа.

Примем, как достоверную истину, высказанное научное обоснование времени и места происхождения иконы и попробуем распознать некоторые иконографические особенности этого извода иконы из его атрибуции. Ростов конца 14 века. Может ли быть что – либо более значимым для земель ростовских этого земного исторического периода, чем участие ростовской рати в общерусском деле – побоище на Куликовом поле 8 сентября 1380 года. Осознание одоления врага как доминанты проживаемого времени пропитало все сферы русской жизни, - могло ли быть иначе. Неодолимый змий – Мамай и сонмище его разгромлено, повержено, попрано. Русь возвеличена ратным подвигом, единением княжеств, скреплённом пролитой кровью, воздвигнута из тлена порабощения могучим самосознанием своего достоинства и обретения собственного бытия. Вновь, птицей Финикс восстала Святая Русь из пепла – забвения, взошла из-под спуда, от сени смертной, из порабощения сонмищем поганым, неодолимым. Едва ли иное чувство и духовное осмысление мы найдём в этом образе. Так атрибуцию даты написания образа на основании одних лишь историко – иконографических соотношений, вполне дилетантских, можно было бы несколько сместить – от последней четверти 14 в. к периоду после 1380 года. Не станем слишком настаивать на истинности этого предположения, но попытаемся пояснить высказанное – распознаваемыми иконографическими признаками, очень далёкими от примитива и провинциальной «плохописи».

Судя по размеру иконы, перед нами, скорее всего, образ, написанный для храма, возможно – Георгиевского храма, храмовая икона всеобщего почитания. Видимая простота изображения подчёркивает основной мотив – победоносного торжества над одолеваемым злом – змием. Совершившаяся победа настолько просторна, настолько широка и ослепительна... сама земля, как иконографический символ, исчезает в сиянии этого благословенного торжества над злом. В иконе нет позёма, нет видимого различия земного и небесного, - весь фон – сияние присутствия Божиего торжества, благоволения. Нет даже изображения десницы Господней, благословляющей видимое событие, - одоление происходит внутри этого сияния, внутри благодатного свечения, откуда не распознать уже очертаний иных – повсюду Господь. Попробуем понять это так. Что же тогда зло – бескрылый червь – чешуйчатый змий? Очертание, лишённое сущности, существования, - чуждая, прозрачная, призрачная прорись в сиянии славы Божией. Слабая, ничтожная, поверженная, мерзкая «рептилия», не имеющая внутреннего сущностного наполнения. Огромные конские копыта занесены над хвостом, туловищем и головой чудовища. В этом образе не находим противостояния Бога - и врага Божиего, человека – и врага рода человеческого. Но присутствуя перед образом, свидетельствуем своими чувствилищами –

о торжестве свершившегося низвержения и попрапия обессиленной, обесславленной, обескровленной... гадины – образа врага Божьего, губителя человеков. Весь образ построен на внятных оппозициях: силы и безсилія, торжества и попрапия, славы и бесславия, исполненности бытия и ничтожества выхолощенной, источившейся жизни.

Не вмещается боевой могучий конь в рамки иконного ковчега, норовя раздвинуть их, выйти за пределы сакрального пространства на земной простор, наполнить предстоящее пространство своей победоносной силой. Торжественно украшен конь лентями на ногах, парадной сбруей и особенным седлом, - так пишут специалисты на музейном сайте. Возможно ли было живописать такие признаки торжества изнутри порабощённости и под гнётом – игом национальной безбытности? Представляется, что из глубины уничижённости, из теснин внешнего порабощения подобная живописная грёза о торжестве над злом была бы чуть ли ни кощунством. Так обратимся вновь к датировке иконы и соотношению её с восстановлением Руси, с победой в Мамаевом побоище.

Неодолимо сильна рука витязя Георгия, мощь в раменах и персях воителя. Подчёркнуто большая ладонь правой руки крепко сжимает копьё, нанося удар. Верно управляем боевой конь с огромными несокрушимыми копытами. И вновь видим, что нигде фигура коня и святого Георгия не соприкасается со змием, - лишь в точке прободения пасти чудища огромным копьём, низвергающимся в композиции иконы разящей красной диагональю.

Можно спорить и домысливать о символике голубого цвета в хитоне святого Георгия и в очертании тела змия... Не имея внятных мыслей на сей счёт, заметим это, не пытаясь самоуверенно комментировать. Быть может, здесь рассмотрим признак тварной природы: ангельской – в очертании змия, падшего невооруженно до окончательного сущностного истощания в сиянии света Божьего; человеческой – просиявшей и наполненной святостью, воспарившей алым всполохом – крылом плаща цвета мученичества, воскресения, пасхальной победы над смертью.

И вновь обратимся к цвету фона, затмившего, заслонившего позём. Не сам ли мир утратил в сиянии победного торжества свои очертания. Будто растворены ворота райские, истаяло пронзённое зло, снято проклятие первородного падения, изжит, искуплен великим подвигом, преизобильной кровью грех личный, грех родовой... и повсюду – торжествующий Господь.